
КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ДИНАМИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

С 8 по 10 сентября 2011 года в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт № 14.741.12.0170) в Белгороде состоялась Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности». Конференция была организована Министерством образования и науки РФ, Департаментом образования, культуры и молодежной политики Белгородской области, Белгородским государственным национальным исследовательским университетом. В этой рубрике мы публикуем лучшие доклады и статьи участников конференции в более полных вариантах, чем в соответствующем сборнике Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» г. Белгород, 8-10 сентября 2011 г.: Материалы докладов и выступлений. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2011.

УДК 130.2

КОГНИТИВНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Т.И. АДУЛО

*Центр социально-
философских и антрополо-
гических исследований
Института философии
НАН Беларуси*

В докладе раскрыт когнитивно-методологический потенциал философии, выявлены главные недостатки современного философствования, не позволяющие познающему субъекту адекватно воспринять в мышлении социальную реальность, в том числе феномен толерантности. Представлена концептуальная идея построения «толерантного общества», базирующегося на прочных экономических и духовных основаниях.

Ключевые слова: этноконфессиональность, толерантность, модель.

Национально-конфессиональная толерантность – одна из сложнейших проблем как в плане теоретического осмысления, так и в плане её социально-практической реализации.

В теоретическом плане её пытались решить ещё с древнейших времен, но так и не нашли убедительной аргументации и не сумели создать теоретическую концепцию, позволившую бы задействовать её в качестве выверенной, эффективной программы социального действия. Большинство попыток практического решения данной проблемы заканчивались пирровой победой – подлинной трагедией для многих этносов, и даже их гибелью.

Вполне объяснимо поэтому, что, стремясь внести свою лепту в гуманизацию социума, социально-гуманитарные науки – политология, социология, право и сейчас очень активно ведут поиски в этой области, стремятся дать надёжную теорию. Но, пожалуй, более всех гуманитарных наук в этом вопросе преуспела философия. Проблемы гражданского согласия, мира, спокойствия находятся в центре внимания философов начиная с Демокрита. Тем не менее, и философская наука пока не предложила концепций, пригодных для разрешения возникающих в данном проблемном поле вопросов. Остаются пока не выясненными многие аспекты самих межэтнических и межконфессиональных отношений, как социального феномена.

Почему столь не простым является социальное познание, а тем более *социальное моделирование*, что на самом деле должна представлять собой та дисциплина, которая претендует на познание и в состоянии познать социум, осмыслить человеческую историю как таковую со всеми её противоречиями и коллизиями? Ответ отчасти известен – его дали наши прещественики.

В своем первом фундаментальном произведении «Феноменология духа» Г. Гегель отмечал: «Самое легкое – обсуждать то, в чем есть содержательность и основательность, труднее – его постичь, самое трудное – то, что объединяет и то и другое, – воспроизвести его»¹. С этим утверждением нельзя не согласиться. Действительно, воспроизвести в постигающем сознании реальность весьма не просто. Но самым трудным объектом для воспроизведения в человеческом мышлении является, пожалуй, социальная реальность. Тут много причин объективного и субъективного плана. Во-первых, социальный философ обязан собрать огромный массив исторических фактов – пусть даже из «вторых рук». И не просто собрать, а соответствующим образом их систематизировать, а затем, следуя требованиям диалектического метода восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному, «испарить» вещественную и субъективную составляющие этих многочисленных фактов, уловить динамику и внутреннюю логику их развития, их поступательный ход, отыскать соответствующую систему понятий и категорий для фиксации установленных объективных связей и отношений. Ведь «истинные мысли и научное проникновение можно приобрести только в работе понятия. Оно одно может породить ту всеобщность знания, которая есть не обыкновенная неопределенность и скудость здравого человеческого смысла, а развитое и совершенное познание...»². Помимо всего этого, как и «при анализе экономических форм», исследователю «нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»³. Сама же абстракция, как и искусство оперировать понятиями, «не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления»⁴.

Приходится учитывать и то обстоятельство, что «постигающее сознание» в процессе осмысления и описания исторических событий и фактов, вольно или невольно, привносит субъективный момент в их интерпретацию, обусловленный профессиональной деятельностью исследователя и его же частным интересом. Случается и так, что исследователь попросту бывает вынужден коррелировать свои оценки и выводы с утвердившимся общественным мнением, а то и вовсе их подгонять под господствующую идеологическую доктрину. Последнее, правда, уже выходит за рамки этики ученого. Кроме того, те или иные трактовки исторических событий задевают интересы людей, и это тоже оказывает определенное влияние на обществоведа, а следовательно, и на характер произведения им в мышлении исторических событий.

Всё это не означает того, будто бы философия должна отказаться от исследования названной проблематики. Философия, как и другие дисциплины гуманитарного профиля, имеет полное право на такую деятельность. Но и сама современная философия, и её

¹ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Г.Г. Шпета; отв. ред. М.Ф.Быкова. – М.: Наука, 2000. – С. 9.

² Там же. – С. 42–43.

³ Маркс К. Капитал / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – С. 6.

⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – С. 14.

методы, изрядно «расшатанные» в последние десятилетия, должны обрести системность, жизненность и практическую ориентированность.

Чего не хватает современной философии, в чем её ограниченность?

В первую очередь укажем на то, что к настоящему моменту образовалось великое множество философских направлений, школ и школок, претендующих на самодостаточность, оригинальность и лидерство в философской науке. Они обрели «официальный» статус, т.е. включены в учебные программы вузов и магистратур. Предлагаемые новые «оригинальные» философские концепции являются незавершенными, несистематизированными. Порою в них чисто механическим путем соединены идеи из различных философских школ и течений.

«Размывается» и сам предмет философии. Нередко корни философии усматривают в мифологии, и даже саму философию отождествляют с мифологией. Не отрицая ни факта существования, ни значения мифологии, а тем более религии в становлении человеческого общества, их роли в современной духовной жизни, все же хотелось бы обратить внимание на то, что такого же, если не большего уважения заслуживает и философия как самобытная форма общественного сознания и самостоятельная дисциплина. Не допустимо сводить философию к иррациональным формам сознания, постулатам, не требующим логического обоснования и подтверждения. Такой взгляд, во-первых, принижает философию, а во-вторых, не позволяет включить ее мощный сформированный на протяжении многих веков методологический, эвристический, аксиологический потенциал в духовную жизнь современного общества.

Как негативную тенденцию отметим и то, что в последнее время происходит радикальный *пересмотр понятийно-категориального аппарата философии*, т.е. того инструмента (орудия), с помощью которого выявляются и фиксируются объективно существующие взаимосвязи и взаимоотношения между явлениями и процессами и ее проблематика. Иногда философские понятия низводятся до уровня обыденного языка. Но философское слово, как и сам философский текст – это не художественный текст. Он состоит из выработанных на протяжении столетий специальных понятий, лишен образности, а нередко – и эмоциональности. В нем господствует логика убеждения. Язык философии в какой-то степени напоминает язык математики, поскольку за каждым философским понятием, а тем более категорией, закреплено конкретное содержание. Сами философские понятия и категории обрели системность. В совокупности они представляют собой орудия, с помощью которых исследователь в состоянии на принятом философском сообществе языке описывать и объяснять окружающий мир – природу, человека, общество, выстраивать разнообразные философско-теоретические концепции. Философия – это не какой-то абстрактный «дискурс» и не образное мышление, а логически обоснованные умозаключения.

Несомненно, философские понятия и категории в содержательном плане не являются застывшими: они постоянно впитывают в себя новые научные результаты и результаты предметно-практической деятельности человека. Тем не менее, каждая категория фиксирует четко очерченный либо объект («материя», «пространство», «время» и др.), либо взаимоотношения между объектами («причина», «следствие» и др.), либо изменения в объекте («эволюция», «скачок» и др.) и т. д. В современной философии используются понятия, которые не обладают подобной строгостью («ризомы», «габитус» и др.). Более того, абсолютизовав герменевтический метод, некоторые исследователи настаивают на своем «законном» праве вкладывать в известные понятия *собственное* содержание (смысл), так же, как и на своем «законном» праве придерживаться *собственного* истолкования того или иного факта, *собственного* «прочтения» того или иного философа, наконец, *собственного* видения мира, даже если оно входит в явное противоречие с научными фактами.

Всё это неизбежно ведет к релятивизму и гносеологическому нигилизму. По причине «размытости» понятийно-категориального аппарата философия теряет статус научной дисциплины: как и любая другая наука, лишенная собственного «орудия труда», она не способна получать новое знание, т.е. развиваться.

В результате столь радикального пересмотра самого предмета философии и ее понятийно-категориального аппарата оказалась разрушенной система коммуникации в об-

ласти философии. В самом деле, способны ли два или более субъектов общаться, дискутировать или хотя бы обмениваться информацией, не говоря уже о совместном осмыслении проблем, если каждый из них говорит на своем собственном языке, если каждый из них вкладывает в используемое понятие свое собственное содержание? А потому идеи и теоретические построения представителей так называемой «коммуникативной философии» зачастую остаются лишь умозрительными заявлениями.

Таким образом, и в нашу историческую эпоху не прекратился давний спор между сторонниками рационализма и иррационализма. Разрушительную для философии деятельность приверженцы иррационализма ведут под разными предлогами – чаще всего под видом разработки и утверждения «нового рационализма», а точнее – иррационализма в его прежних формах. При этом нередко всю современную западноевропейскую мысль они изображают в виде потока эклектичных иррациональных идей и представлений. Создается впечатление, будто бы на Западе не существует иной философии, кроме герменевтики, постмодернизма, т.е. антисциентистских течений. Но это не так. Аналитическая философская традиция, рационализм сохранились не только в Англии, Германии, но и во Франции – стране, где во второй половине XX века над умами творческой интеллигенции чуть ли не единолично властвовал антисциентизм в лице экзистенциализма. Например, учебное пособие по философии для лицеев и вузов Мишеля Гурина, выдержавшее во Франции несколько изданий, в целом построено на принципах классической философии. Автор стремится раскрыть связь философии с наукой, выявить внутреннюю логику развития философских категорий и идей, т.е. закладывает в головы читателей не эклектичную, а *диалектическую*, системную картину развития мировой философской культуры, необходимую «для формирования современного мышления и для понимания нынешнего состояния проблем»⁵. М. Гурина считает, что «в течение двух с половиной тысяч лет философия выступает именно как форма культуры, стремящаяся дать свободному и одновременно разумному сознанию средства для систематической рефлексии по всей совокупности теоретических и практических проблем»⁶.

Таким образом, можно констатировать ослабление гносеологического потенциала современной философии. Многие философы не только фактически отказались от поиска истины, но и активно отстаивают идею о ненаучности философии.

В самом деле, не можем же мы «вопрошание», представленное отдельными исследователями в качестве главной цели философии, отнести к ее теоретико-познавательным устремлениям. Несомненно, «вопрошание» (постановка вопросов, проблем) способно «будоражить» человеческий мозг, но оно изначально не нацеливает познающий субъект на поиск истинного ответа на поставленный вопрос, а следовательно, не учит человека мыслить. Хорошо известно, что еще Сократ использовал постановку вопросов как один из методов обучения философствованию. Но сначала эта операция была сведена к иронии и выполняла лишь предварительную работу. Вслед за целенаправленной постановкой вопросов, убеждавших возгордившегося и возомнившего себя мудрецом собеседника в том, что он вовсе не мудрец, а, скорее, невежда в области философии, Сократ, используя метод майевтики (путем продуманной постановки соответствующих вопросов), направлял мышление собеседника на путь истинного познания, помогал ему отыскать правильный ответ на обсуждаемую проблему, т.е. он учил своего собеседника мыслить. И, наконец, используя метод индукции, Сократ совместно со своим собеседником восходил от частного к общему. Таким образом, как отмечает А.Н. Чанышев, «метод Сократа преследовал также достижение понятийного знания»⁷. Сократу было чуждо абстрактное «вопрошание», его цель – получение знания.

Несколько слов о «философском дискурсе». Заметим, что «философский дискурс», о котором сейчас так много пишут, представляя его чуть ли не новейшим достиже-

⁵ Гурина М. Философия: Учебное пособие для выпускных классов лицеев, для поступающих в высшую школу и студентов первого цикла высшего образования / М.Гурина; пер. с фр. – М.: Республика, 1998. – С. 11.

⁶ Там же

⁷ Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос. фак-тов и отделений ун-тов / А. Н. Чанышев. – М.: Высш. шк., 1981. – С. 227.

нием философской науки, – тоже не новое явление. Это – древнейший способ философствования. И, опять же, важен вопрос о том, как понимать сам «дискурс», его роль в формировании духовной культуры индивида и общества, какой смысл вкладывать в само это понятие? В античном мире, во времена Платона, философские беседы и споры были основным способом получения истины, представляли собой неотъемлемый элемент духовной жизни общества.

Словом, что способны дать человеческому мышлению современные «философские дискурсы», когда изначально признается «плюрализм истины» и столь же «плюральное» содержание используемого понятийно-категориального аппарата? Ровным счетом ничего позитивного в гносеологическом и мировоззренческом плане они дать не могут, поскольку не ориентированы с самого начала на формирование у беседующих субъектов «постигающего мышления»: поговорили о чем-то на разных языках и разошлись, оставаясь при своем мнении. Как тут не припомнить известные слова Н.А. Некрасова: «Записав свое имя и званье, // Разъезжаются гости домой, // Так глубоко довольны собой, // Что подумаешь – в том их призванье!».

На самом деле, призвание философии и философов в ином – в первую очередь они обязаны дать целостную, системную картину мира, способную стать надежным основанием в процессе формирования мировоззрения человека, научить человека самостоятельно осмысливать возникающие проблемы, находить адекватный выход из различных ситуаций – одним словом, формировать креативное мышление. Для этого необходимо овладеть диалектическим методом, диалектической логикой. Но ни диалектика, ни категории в их диалектической связи не нашли отражения в современных учебниках по философии.

В последние десятилетия взоры подавляющей части философов-исследователей резко переориентировались на историко-философскую проблематику – популяризацию идей Н.А. Бердяева, Ф. Ницше, Э. Фромма, П. Сорокина, М. Вебера, Х.Г. Гадамера, Э. Гуссерля, К. Касториадиса, Д. Белла, У. Бека и др. В этом не было бы чего-то предосудительного, если бы труды названных мыслителей осмысливались конкретно-исторически, диалектически и использовались как теоретические источники, позволяющие уяснить логику формирования и развития философской культуры, а не принимались за абсолютную истину и не предлагались в качестве программных документов общественного переустройства в XXI веке.

Философия относится к сфере духовного производства. Но она произрастает на фундаменте тех многообразных объективных связей и отношений (экономических, политических, идеологических, этических, культурных и т.п.), которые-то и составляют суть той или иной исторической эпохи. Она постоянно ощущает на себе не только дух, но и физический груз проблем и коллизий своего времени. Современное философствование является не чем иным, как воспроизведенным в мысли разорванным, противоречивым социальным бытием. Поэтому осмыслить конкретные пути разрешения проблем и коллизий современной эпохи и тем самым содействовать переустройству нашего мира на гуманных началах, а также восстановлению научного статуса и самой философии – главная задача философов.

В результате «перестроечных» процессов 1990-х годов, охвативших собой и философию, теоретическим осмыслением исторического процесса стала заниматься социальная философия – новая философская дисциплина. Вскоре была создана еще одна специальность – «религиоведение, философская антропология, философия культуры». В результате этих преобразований произошло следующее. Название «социальная философия», предназначенное для обозначения одного из важнейших разделов философии, оказалось не совсем удачным, поскольку оно не зафиксировало четко предмет данной дисциплины. По существу, вся философия является социальной, если рассматривать ее как продукт человеческого мышления и исходить из ее общественной ориентированности. Философия возникает лишь в социуме, решает важные общественные задачи и, естественно, по этой причине ее следует называть социальной, т.е. общественной.

Вследствие образования специальности «религиоведение, философская антропология, философия культуры» человек и культура фактически оказались исключенными из проблемного поля социальной философии. Получили жизнь две своеобразные фило-

софские дисциплины, одна из которых, занимаясь исследованием общества, вынуждена была исключить из своего проблемного поля человека и культуру, вторая же, ориентированная на изучение человека и культуры, в свою очередь, вынуждена была отказаться от осмысления общества в целом. Но можно ли постичь сущность социальных процессов вне человека, а сущность человека вне социальных процессов? Ответ очевиден.

Ситуация усложнялась еще и тем, что в силу чрезвычайной спешки социальную философию ввели в учебные планы философских факультетов, а также утвердили ее в качестве специальности, по которой была разрешена защита диссертаций, без соответствующего паспорта. Таким образом, новая дисциплина обрела жизнь, не имея четкого определения своего предмета и основных направлений исследований. По этой причине по социальной философии стали защищать педагогические, социологические, политологические, культурологические работы. Причем, соискатели были убеждены в том, что их исследования соответствуют специальности «социальная философия», поскольку в них рассматриваются те или иные стороны жизнедеятельности человека. Только что образованная специальность «социальная философия» стала походить на эмпирическую социологию.

По-видимому, название «социальная философия» требует корректировки по ряду причин: в названии «социальная философия» нет фиксации того главного, определяющего, что, собственно, отличает данную дисциплину от других философских дисциплин. Применительно к данному разделу философии более адекватным является термин «философия истории». Он более строго определил бы предмет данной философской дисциплины, и это позволило бы отделить ее от смежных дисциплин, каковыми являются социология, философская антропология, философия культуры и др. Далее. Название «философия истории» вместо существующего ныне «социальная философия» позволило бы этой философской дисциплине сохранить статус теоретической дисциплины, занимающейся анализом исторического процесса, т.е. дисциплины, выступающей в качестве метатеории по отношению к социологии, в том числе теоретической социологии, политологии, истории, философской антропологии, философии культуры и др.

При этом потребовалась бы некоторая корректировка проблемного поля данной дисциплины. Чем должна была бы заниматься философия истории? Ответ на этот вопрос мы находим в трудах философов-классиков, начиная с Франсуа Вольтера и заканчивая Г. Гегелем. Много интересных, содержательных идей по этому вопросу высказали российские исследователи Ю.И. Семенов, И.А. Гобозов и др.

На наш взгляд, *социальная философия* (если мы не откажемся в ближайшее время от этого термина) – составная часть философии, которая представляет собой предельно общую теорию исторического процесса, исследует сущность, направленность, движущие силы, закономерности и методы его познания.

В свете сказанного выше представляется важным восстановить статус классического философского наследия, а, главное, более продуктивно его использовать для анализа современного социального бытия. Речь идет, таким образом, о восстановлении философии истории как самостоятельной специальности современной философской науки.

Вполне понятно, что в современную достаточно развитую и в то же время столь же сложную и противоречивую эпоху в одиночку философия не в состоянии выявить тенденции общественного развития, в том числе раскрыть сущность этноконфессиональной толерантности. Эту задачу надо решать общими усилиями гуманитарных и социальных наук.

Этноконфессиональная толерантность – одна из ключевых проблем теории и практики социального процесса. На протяжении многих веков она осмысливалась лучшими умами человечества, но до настоящего времени так и не получила научного решения. Подтверждение тому – не прекращающаяся война в Ираке, террористические акции в Иордании, прокатившиеся не так давно по европейским странам погромы и т.п. насильственные акции, в результате которых гибнут люди, наносится колоссальный материальный и не менее весомый духовно-моральный урон мировому сообществу, начисто отбрасывается только что зародившаяся надежда на возможность бесконфликтного существования человечества в XXI веке после ликвидации одного из двух полярных военных блоков.

Современные социальные конфликты новы и в то же время не новы, поскольку в какой-то мере воспроизводят прошлые эпохи на новой ступени человеческой истории. Их природа, способы разрешения, а, главное, предупреждения, детально и, порой, доста-

точно глубоко постигались древнейшими цивилизациями, опыт которых небезынтересен и в наши дни.

В качестве важного социального проекта будущего общественного устройства можно назвать т.н. проект толерантного человечества (общества). Толерантность человечества, активно обсуждаемая в последние годы, не относится к числу новых проблем. Она зародилась в глубокой древности и в философском плане достаточно четко была обозначена в трудах Аристотеля. Но еще задолго до него древнекитайские мыслители сделали ее предметом серьезного теоретического осмысления, хотя использовали для этого иную терминологию. В эпоху Средневековья толерантность рассматривалась в религиозной плоскости. И хотя она как принцип взаимоотношения представителей различных конфессий теоретически признавалась, на практике дела обстояли совсем по-иному, о чем свидетельствуют постоянно совершавшиеся «крестовые походы» на «иноверцев». Более радикальный и более гуманный по этим вопросам сдвиг в мировоззрении человека произошел лишь в эпоху Нового времени, подтверждением чему стал трактат Джона Локка «Послание о толерантности».

Особо следует сказать о практико-политической деятельности французских просветителей. Пожалуй, никто в мире не смог так сильно всколыхнуть общественное сознание и поколебать общественные устои, как Франсуа Вольтер, Жан-Жак Руссо, Шарль Монтескье и др. Надо отдать должное этим великим мыслителям и общественным деятелям: они не только просвещали народ, но и были на острие научных и культурных достижений той эпохи. В своих книгах и научных статьях, опубликованных в «Энциклопедии», они представили научную для той исторической эпохи картину мира, раскрыли сущность многих социально-философских категорий и понятий, вынесли на суд читателей свое понимание многих социально значимых философских проблем. Показателен пример того, как Дени Дидро в статье «Человек» описывал суть сложившихся в европейских странах экономических отношений и давал конкретные советы относительно возможного улучшения общественного состояния, которые могут быть вполне полезными и в XXI в. «Чем более велик чистый доход, – отмечал он, – и чем более равно он поделен, тем лучше управление, чистая прибыль, равно поделенная, может быть предпочтительней большей чистой прибыли, очень неравно разделенной и делящей народ на два класса, из которых один пресыщен богатством, а другой погибает в нищете»⁸. Таким образом, толерантность как проблема нова и в то же время известна, поскольку в какой-то мере воспроизводят прошлые эпохи на новой ступени человеческой истории.

Понятие «толерантность» (лат. *tolerantia* – терпение), как и понятие «толерантное общество», не вызывает у исследователей каких-либо дискуссий. Все согласны с тем, что под толерантным следует понимать такое общество, где на государственном уровне обеспечивается справедливое и беспристрастное законодательство, соблюдаются правопорядок, судебные-процессуальные и административные нормы и где каждому человеку предоставляются возможности для экономического, социального и культурного развития без какой-либо дискриминации, как об этом сказано в «Декларации принципов толерантности», утвержденной резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. И, безусловно, на уровне сознания толерантное общество предполагает терпимость и снисходительность к кому или чему-либо – к убеждениям, мнениям, позиции другого лица и т.д.⁹.

Итак, ключевым в трактовке понятия «толерантность» является слово «терпимость». Но относительно термина «терпимость» как раз и возникают серьезные дискуссии, поскольку в содержательном плане этот термин чрезмерно многозначен. Например, Владимир Даль для раскрытия значения слова «терпеть» использует такие слова, как «выносить», «переносить», «сносить», «нуждаться», «страдать», «крепиться», «мужаться», «быть кротким», «смириться», «потакать», «сноровливать» и др.¹⁰. В целом «терпение», а следо-

⁸ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – Л.: Наука, 1978. – С. 88.

⁹ Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.shkolaprav.ryazan.ru/declaracia_tolerantnosti.htm. – Дата доступа: 30.07.2010.

¹⁰ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Владимир Даль. – М.: Рус. яз., 1980. – Т. 4. – С. 401–402.

вательно, и «толерантность» приобретают определенный страдательный, смиренный, выжидательный и другие характерные оттенки, которые идут вразрез с активной, творческой природой человека. Поэтому в противовес истолкованной таким образом толерантности обосновывается идея неприятия концепций смирения и покорности. В самом деле, можно ли связывать гуманное будущее человечества со страданиями и терпением? Подобное мироустройство непривлекательно, тем более для современного человека. По этой причине возникли и стали употребляемыми противоположные понятия – «интолерантность», «антитолерантность» и др.

Вторая проблема «толерантного общества» («толерантного человечества») вытекает из способа его построения. Люди всегда стремились к свободе. Особенно преуспели в этом основатели либеральной идеологии, многие философы. Да и в практико-политической жизни и сознании мирового сообщества второй половины XX в. принцип саморегуляции был господствующим. Особую актуальность он обрел в конце 1980-х гг. в СССР.

В настоящее время многие исследователи и политики пересмотрели свои мировоззренческие ориентиры. Они пришли к выводу о бесперспективности принципа «саморегуляции» и все активнее отстаивают идею регулирования общественных процессов. Но ее разделяют далеко не все. Особенно не приемлют вмешательства во внутренние проблемы политическая элита и титульные нации молодых суверенных государств: слишком много интеллектуальных, моральных и материальных ресурсов они истратили для обретения собственной государственности. И, кроме того, в условиях существующего социального неравенства, деления стран на «сильных» и «слабых» у одних политиков возникает соблазн использовать «толерантность» в собственных интересах, у других, наоборот — обеспокоенность оказаться зависимыми от «сверхдержав».

Согласно «Декларации принципов толерантности», интересы наций и государств соблюдены: «толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности»¹¹. При этом толерантность трактуется отнюдь не как уступка, снисхождение или потворство. Толерантность — «это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека»¹². Казалось бы, все вопросы сняты, во всяком случае, в правовом поле. Но декларация лишь документ. Главные проблемы возникают в процессе практической ее реализации. Кто станет гарантом, и кто в состоянии обеспечить беспристрастное проведение в жизнь норм этого документа — вот главный вопрос. Кстати, именно эти вопросы стали предметом дискуссий на Ярославском мировом политическом форуме в 2010 году. К тому же в «Декларации принципов толерантности» не раскрываются экономические, социальные основы наличного зла. Взять хотя бы проблему нелегальной миграции. Как ее разрешить? Мы, европейцы, смотрим на иммиграцию глазами европейцев и действуем, руководствуясь эгоистическим принципом «не пускать!». Выводы рассудочного мышления категоричны: Запад — хорош, а нелегальные мигранты — плохи. Бесспорно, это явление — одна из многочисленных социальных язв. Но *что* и *кто* делает массы людей нелегальными мигрантами? Зависит это не только от субъективных желаний конкретных людей, но и от объективных обстоятельств. И именно их, представляется, необходимо более целенаправленно изменять.

В качестве конкретных угроз человечеству по-прежнему называются перенаселенность планеты, нерациональное отношение к природным ресурсам, противостояние высокотехнологичного Севера и все более технологически и интеллектуально отстающего Юга, экспансия экономических лидеров на природные и интеллектуальные ресурсы менее развитых стран, межэтнические и межконфессиональные конфликты, эпидемии, терроризм, торговля людьми, растущая преступность, наркомания, бедность и неуверенность в завтрашнем дне.

¹¹ Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.shkolprav.ryazan.ru/declaracia_tolerantnosti.htm. — Дата доступа: 30.07.2010.

¹² Там же.

Таким образом, на рубеже XX – XXI вв. человечество столкнулось с новыми глобальными проблемами – прежде всего экономическими, а более конкретно, – с крахом той социально-экономической модели, которая господствовала в мире на протяжении нескольких столетий и определялась емким словом «индустриализм», вернее, с ее либеральной формой в виде максимальной открытости национальных границ для мирового капитала. Лишь несколько цифр. Согласно официальным данным ООН в настоящее время около 1,7 млрд чел. – треть населения планеты – живут в условиях многомерной бедности, в том числе 1,44 млрд чел., которые, по оценкам, живут менее чем на 1,25 долл. США в день. Наибольшее число этих людей проживают в Южной Азии и Африке к югу от Сахары. Разразившийся в начале XXI в. крупнейший финансовый кризис лишил работы 34 млн чел. и еще 64 млн отбросил к уровню дохода менее 1,25 долл. США в день – ниже порога бедности¹³. Известный американский социолог, профессор социологии и член Комитета глобальной мысли Колумбийского университета, одна из наиболее признанных мировых специалистов в области социологии городской жизни и урбанистики Саския Сассен сделала следующее заключение: «Во многих странах, например в США, сложилась крайняя ситуация – резко возросло неравенство. В какой-то момент подобное чрезмерное неравенство разрывает социальную структуру страны. Вероятно, мы уже не можем говорить о национальном обществе. Это означает, что в пределах государства, такого как США – впрочем, для России и Индии это тоже справедливо – у нас получается несколько обществ. А вот мостов или лестниц, соединяющих низкий доход с высоким, не так уж и много. Виды либеральной демократии, которую мы наблюдаем сегодня во многих странах, не способны более обеспечить процветание растущим слоям своего населения, как это было в 40-х – 60-х годах. Сегодня проступают все лимиты либеральной демократии»¹⁴.

Известный английский социолог Энтони Гидденс считает, что даже «в США, несмотря на то, что в стране постоянно изменяются характеристики бедности, намного больше людей остается в нищете и намного больше людей переживают периодически повторяющееся состояние бедности по сравнению с населением Европы»¹⁵. Самую серьезную угрозу современной цивилизации представляет активно происходящее разрушение ее духовных, нравственных оснований.

Для решения существующих проблем необходимо принимать конкретные решения. Администратор Программы развития ООН Хелен Кларк отмечает: «Страны способны многое сделать для повышения качества жизни граждан даже в неблагоприятных обстоятельствах», но «улучшения никогда не приходят сами собой – они требуют политической воли, смелого руководства и постоянной приверженности со стороны международного сообщества»¹⁶. Надо сказать, что работа в этом направлении в последние годы ведется. Например, только в прошлом году эти проблемы стали главным предметом обсуждения на Ярославском мировом политическом форуме, состоявшемся 9–10 сентября в городе Ярославле, Всемирном форуме духовной культуры, проходившем в Астане 18–20 октября, собравших известных политиков, ученых, деятелей культуры и искусств из многих государств мира. Мы не говорим уже о многочисленных международных научных конференциях, где эти глобальные проблемы обсуждаются учеными различных стран. В связи с этим остановимся на некоторых проектах, моделях общественного развития, предложенных политиками и учеными.

Большинство современных политиков, общественных деятелей и ученых-гуманитариев склоняются к мысли, что формирование толерантного общества осуществимо на основе коллективного разума. А для того, чтобы разум человечества восторжеств-

¹³ Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. – М.: Изд-во «Весь мир, 2010. – С. 6, 8, 97.

¹⁴ Сассен, Саския. Очень сложное общество / Саския Сассен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gpf-yaroslavl.ru/viewpoint/Saskiya-Sassen-Ochen-slozhnoe_obschestvo. – Дата доступа: 25.12.2010.

¹⁵ Гидденс, Энтони. Социально ориентированное государство в современном европейском обществе / Энтони Гидденс // Социология. – 2007. – № 3. – С. 20.

¹⁶ Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. – М.: Изд-во «Весь мир, 2010. – С. V.

вовал, предлагается задействовать не только существующую систему воспитания на всех ее уровнях, но и сформировать новые воспитательные институты, учитывая тот факт, что Интернет позволяет это сделать. Об этом говорится и в «Декларации принципов толерантности».

В целом, мы имеем дело с хорошо известной еще в XVIII в. идеей апелляции к человеческому разуму, надеждой на просвещение как на главный рычаг построения толерантного общества. И тут важно припомнить историю. Французские, английские, немецкие и русские просветители тоже ведь делали в свое время ставку на человеческий разум и в этой связи рассматривали просвещение и воспитание как инструмент преодоления социального зла. Например, Жан Кондорсе считал возможным прогнозирование «судеб человеческого рода» и связывал будущее человечества именно с прогрессом разума. Но разум выступал у него лишь одним из трех предложенных рычагов переустройства мира на гуманных началах. Он заявлял: «Наши надежды на улучшение состояния человеческого рода в будущем могут быть сведены к трем важным положениям: уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами того же народа, наконец, действительное совершенствование человека»¹⁷. Еще в ту далекую эпоху Кондорсе обличал негуманные отношения Севера и Юга, обосновывал необходимость их радикального пересмотра.

Каков же результат столь активной просветительской деятельности лучших умов той исторической эпохи? Достигли ли они своей благородной цели? Оказывается, нет. Просветители рассчитывали на мирное разрешение наличных социальных противоречий, но в результате столь масштабной публицистической деятельности взбудоражили общественное сознание и привели общество не к согласию и процветанию, а к разногласию и революции. И не потому, что их идеи были ошибочны. В целом они были правильны, но опережали эпоху на несколько столетий. В то время еще не был исчерпан позитивный потенциал новых субъектов истории, не так давно пришедших на смену дворянско-сословному обществу. И революция, которую, сами того не осознавая, идейно подготовили французские просветители, окончательно расчистила почву для новых, более прогрессивных политических сил.

Современные факты свидетельствуют об ином: индустриализм фактически исчерпал свои возможности. Он обязан уступить место новому типу общества с принципиально новыми экономическими, политическими, моральными и т.п. отношениями и ценностями. Осмыслить возможные пути построения общества на новых основаниях, позволяющих всем нам нормально существовать, довести их до сознания общества и при этом не подтолкнуть его к насильственным действиям – важнейшая задача и политиков, и ученых-гуманитариев. Поэтому апелляцию к человеческому разуму следует подкрепить конкретными гуманными, справедливыми экономическими проектами в интересах всего человечества. В противном случае может произойти то, что случилось во Франции в конце XVIII в. Предпосылкой будущего мироустройства, основанного на гуманных началах, может стать *Институт Совесть*, формируемый и функционирующий на всех уровнях социальной организации, начиная от рядового гражданина и заканчивая политической элитой. На Всемирном форуме духовной культуры, проходившем в Астане 18–20 октября 2010 г. и собравшем известных политиков, ученых, деятелей культуры и искусства из 71 государства мира, не звучали ставшие уже привычными понятия «индустриальное» и «постиндустриальное общество». В докладах и выступлениях четко зафиксирован термин «гармоничное общество», базовым основанием которого должно стать, по мнению выступивших докладчиков, духовное начало – духовность в самом широком смысле этого слова, духовная культура во всем ее величии и национальном многообразии, нравственность, которая пронизывает собой и экономику, и политику, и право.

Несмотря на неоднозначные оценки, толерантное общество имеет реальный шанс на существование. Для этого есть необходимые объективные и субъективные основания. Конечно, говоря о первых, следует иметь в виду прежде всего экономическую составляющую проекта. Если человек не сможет удовлетворить свои материальные, чисто фи-

¹⁷ Кондорсе, Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж.А. Кондорсе; пер. И.А. Шапиро. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. – С. 221.

зиологические потребности, никакого согласия в мире не будет. Современный уровень развития производительных сил, технологий и науки в целом позволяют решить эти вопросы, хотя проблему народонаселения не следует снимать с повестки дня. Полагаем, однако, что не менее серьезна проблема гонки вооружений, соперничества различных государств в области военных разработок и технологий. Как повернуть развитые страны к «перезагрузке», к переориентации их экономик на гражданские нужды и своих и «чужих» государств? Вот главный вопрос.

В плане объективных оснований реализации проекта «толерантное общество» нельзя не отметить и то, что на современном историческом этапе человечество дошло до предельной черты, остановилось у самого края пропасти. Не решив назревших проблем глобального характера, оно не сможет далее существовать. Эти обстоятельства осознаются уже не одиночками, а все большей массой людей разных стран и континентов — духовно-культурной элитой мирового сообщества. Формируется мощный пласт общественного сознания. И именно этот факт можно расценить как одно из тех объективных обстоятельств (хотя оно и функционирует на уровне общественного сознания), позволяющих рассчитывать на то, что мир, наконец, придет к согласию.

Список литературы

1. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Г.Г. Шпета; отв. ред. М.Ф. Быкова. — М.: Наука, 2000. — 495 с.
2. Гидденс, Энтони. Социально ориентированное государство в современном европейском обществе / Энтони Гидденс // Социология. — 2007. — № 3. — С. 14–23.
3. Гурина, М. Философия: Учебное пособие для выпускных классов лицеев, для поступающих в высшую школу и студентов первого цикла высшего образования / М. Гурина; пер. с фр. — М.: Республика, 1998. — 540 с.
4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. — М.: Рус. яз., 1980. — Т. 4. — 683 с.
5. Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.shkolprav.ryazan.ru/declaracia_tolerantnosti.htm. — Дата доступа: 30.07.2010.
6. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. — М.: Изд-во «Весь мир», 2010. — 244 с.
7. История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. — Л.: Наука, 1978. — 312 с.
8. Кондорсэ, Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж.А. Кондорсэ; пер. И.А. Шапиро. — М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. — 265 с.
9. Маркс, К. Капитал / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: в 50 т. — М.: Госполитиздат, 1960. — Т. 23. — 907 с.
10. Сассен, Саския. Очень сложное общество / Саския Сассен [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gpf-yaroslavl.ru/viewpoint/Saskiya-Sassen-Ochen-slozhnoe_obschestvo. — Дата доступа: 25.12.2010
11. Чаньшев, А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос. фак-тов и отделений ун-тов / А.Н. Чаньшев. — М.: Высш. шк., 1981. — 374 с.
12. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: в 50 т. — М.: Госполитиздат, 1961. — Т. 20. — С. 1–338.

COGNITIVE AND METHODOLOGICAL POTENTIAL OF MODERN PHILOSOPHY AND MODELING OF ETHNOCONFESSIONAL TOLERANCE

T.I. ADULO

*Centre for social, philosophical
and anthropological studies,
Institute of philosophy,
National Academy of Science
of the Republic of Belarus*

The cognitive and methodological potential of philosophy is shown in the report, the main drawbacks of modern philosophizing, which don't help knowing subject reproduces in the thinking social reality adequately including the phenomenon of tolerance, are revealed. The conceptual idea of building the «tolerant society» based on sound economic and moral grounds has been presented.

Key words: ethnoconfessionality, tolerance, model.